

ВЛАДИСЛАВ ГОЛЫНКА

Возможно: Он хочет мой грех:
Возможно: Он любит прощать.

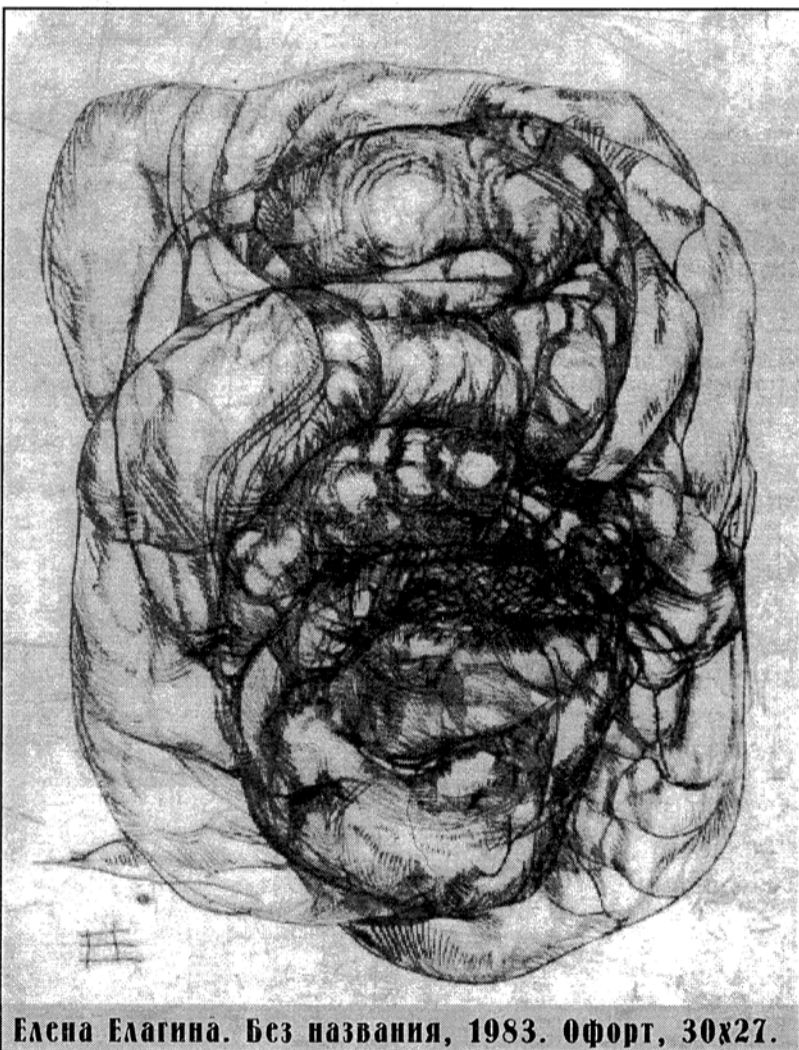
В ЭТОТ СВЕТ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ МОИ

Когда запотевшее зеркало ванной комнаты и мурлыканье воды на кухне собирают - не по лепестку, а сагом - запах и вкус зимы, которой нет и не было - здесь, и готовящийся праздничный стол, я вижу начало, выпавшее летом в стране только правящего снега, - так небо напоминает землю - как некое эхо или пара из первого стиха книги Берешит: уже у мягкого моря, где мы с моей любимой живем, прижавшись друг другом. ("Вышивая небом птички крики", - любит повторять она). Тогда воздух, высушивая себя и эти деревья, клевал со вчерашних веток солнца чечевичную гушу (- первородство Эсава - Якову, а Солнца - Луне): гушу заката, опалившего воды, превращая стебли виноградной воды, я словно не гостил - пастухом дней с нею - овечность (доли времени лишь иногда кажутся дикими животными): она еще не вернулась из города островов: у тропинки от бабушкиной гачи одна из теней, упавших к ногам, могла бы представиться родственницей дома, которого здесь никогда не было, - пришлось проявить жестокость, зацепившая шагами попоинки замысла о крыльце: хозяин улыбнулся:

- Чем тебя угостить? У меня осталось немного от жареного гуся и варенья из терновника. Это сочетается?

- Конечно, Николай Андреевич. Особенно из Ваших рук и с беседой. Тем более, что сегодня ко мне пришли - двое. Их условие - разговаривать через зеркало: благо - большое. - Ваше желание приятно для собирателя медуз. - Ты прав: камни здесь ни при чем. Если запечь гуся, то обойдемся углями, но лучше - добавить тюльпаный хвост. Одного звали, другого - нет. Вот и отгадайте, что я теперь понял.

- Ты заметил, что бесконечность - бабочка: одно ее крыло - прошлое, другое - будущее. Они - конечно - всегда равны. Назавтра жеждат дождь. Прогуливаясь в прежнем месте, я почему-то подумал, что зря съел столько гранатовых зерен и инжира, и зачем ночь - возвращение прошлого - цветом: домилась время, когда Земля петала небом, а небо - Землей. Месяц - вопевей силой туч - тучей силой - опаливал звезды. Както на них перестала падать роса: так проросли озера - еще не расправленные зеркала. И все перевернулось... Того дома не было: разве наказание - думать о любимой? Но через утро я вновь постучался к Николаю Андреевичу, а в следующие дни мы с нею вместе заходили к нему, по дороге - пусть и не вежливо - дополняя жизнь некоего Мррмая (- Почему ты смеешься в мои любимые ресницы?). В первый день он рассказал нам не о себе: в начале, когда, набирая сирень в поповник сада, глина пустует на шпильках виска, который у ангела иногда даже не в крыльях, - он почувствовал: может быть, потому что есть место, где время похоже на дом, есть место, где пространство течет как время и капли цветков, стен, окон и дороги опадают, не какая: дом должен быть похож на иву: и все в доме - подобно живому существу: в его жилах - эхо, чьи ягоды на пагоны видимы завязью древа воды: там орех - куколка ящерицы, бормочащей о времени, когда копыбели принято было делать из хрусталя, добываемого из пистьев начала лета, когда молоко откладывает то, чей надбьющийся желток испечен с пепешками из плача стыдливой детенышей губа: так меняя. И они ели. На двух полянах, чье нутро или облик до жизни - песочные часы - вытягивает ветер - ему все равно: что явь, что замесили место, где глазуем малек грома, бьющего хвостом по струнам времен года, меда и горизонта: у двери - гуша котенка, у пола - гуша слона, у потолка - гуша несущки, когда в финико-

Елена Елагина. Без названия, 1983. Офорт, 30x27.

...вых пальмах видны гуши коров, заслуживающие свой рай, у окон - зимой - гуша медведя, а летом - пчел, собирающих почти свет, у стен - ночью - кенгуру, днем - белки, как если бы у кузнециков не вра-

щались остров, выбранный по цвету, у стопа и ступьев - гуша дерева, дающего плод (и если у него вместо косточки пламя), у кровати - гуша черепахи, еще не жующей мякоть цветочной хвои. Он построил этот дом. Ей было красиво. Когда кто-то болел, - она их печила. Сегодня расцветает пальма от папы огня: нечерной полубабочки, пичинки неба. В другой раз (- Когда вечер и утро трущие ночь, - сказал бы я раньше), когда мы увидели через окно другой садный домик, - он был точно прозрачный, но густо укрыт листьями клещевины и позы.

- Видите те две двери? Одна из них - вы догадываетесь: какая - ведет через дорожку к домику.

- Мы можем иногда останавливаться в нем? Так и стало. Там приручены несколько комнат: комната живых книг, комната и сновидений, комната приготовления любимых блюд, комната приема друзей, которые хотят нас видеть...

- А когда придет время, - сказал он, - вы поселитесь здесь навсегда.

ЗОАР А-ЗААРУР (СИЯНИЕ СОПНЕЧНОГО ЗАЙЧИКА)

Когда камыш собирал перья заката, пастух уток и гусей отводил свое стаго в селение и разглядывал цветы, шейные позвонки озера, затекающие от медузной пены ив, нехотя взглядом усы-

пивших ветер в паутиный гамак папых облаков, намочивших его пальцы цветом придонных светил, запутавших то ли водоросли, то ли ресницы, спезящиеся от пыльцы, натертой о берег - уже не различимый. Одна из уток сбросила с нечаянно кропящих раздвоенной ежевичкой паст присосавшийся желудь - так высушивая годичные кольца в пуже, оберегаемой шиповником, иногда теряющим головы пестиков, то ли меняя их на беспчелую тишину. Утка поравнялась с пастухом и сказала:

- Сегодня я отпложу яйца. Из одного из них выйдет та, которая, когда придет ее время, согреет твердеющий домик, хрупкий для птенца Храма, - она будто улыбнулась этому слову, прикрываясь крылом.

- Какого Храма? Почему - птенец?

- Пюди не знают, что Храм - тот самый - рождается птицей. И если такого детеныша кровнодушно и верно кормить и воспитывать, то через нужное время мудрец увидит Храм, а затем за дело возьмутся каменщики: не случайно один из них родится зная как строить птичьи гнезда. Когда Храм увидят все, та птица, уже лучше ослышится - тень, сойдет на жертвенник.

- Почему я?

- Ты любишь читать Книгу, - вновь прикрыт ее клюв.

- Причем здесь чтение?

- Я буду учить тебя тому, что ты должен читать птенцу.

- Почему ты не можешь научить его сама?

- Пюди не знают, что истина должна быть записана. Но правильными знаками. И прочитана. Тем кто это должен: по неступням за непопый смоченный в медвежьих света-светы и шкуру опивы, - мешочек с золотым тельцом. Ты читаешь ему три сказки, три притчи, три рисунка травы и три долгих истории о знаках, сне и начале. Тогда птенец начертит этот квадрат на песке. И так через него мудрец увидит Храм. Я говорила о пище. Ты станешь кормить его поочередно: день - саранчой, день - виноградными листьями, а однажды - не раньше тринадцатого дня и не позднее тридцать третьего дня его - ты почувствуешь: устроишь ему пир из разных плодов, что я дам тебе.

- Как я успею все это?

- Каждый вечер я буду приносить тебе время, а ты укутаешь его, чтобы ночь не протекла на постель свою, когда ты сойд, шь записывать, не испытывая голода, прохаживаясь мимо неостывающей, ждущей тебя трапезы, которую я приготовлю для тебя из неузнанных трав - я сею их на дереве - способных быть тем, что ты любишь. И будет утро.